

И. В. Кузмичева, И. А. Суханова

**Приемы стилизации в повести «Теорийка» – «вставном» тексте
из романа Бориса Акунина «Ф. М.»**

В статье рассматриваются языковые средства стилизации в повести «Теорийка» Б. Акунина – «вставного» текста из романа «Ф. М.». По сюжету «Ф. М.» повесть является первоначальной редакцией романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», поэтому перед современным писателем стояла задача убедительно и достоверно стилизовать текст под манеру классика XIX в. Стилизация сочетается с использованием прямых цитат из «Преступления и наказания» и варьированием сюжетных ходов первоисточника. Акунин использует хронотоп романа и остроумно обыгрывает в тексте время его создания. «Теорийка», таким образом, представляет собой яркий пример миметической интертекстуальности, а Б. Акунин является искусным мастером стилизации, свободно владеющим литературным языком XIX в. Однако автор использует и приемы, не дающие внимательному читателю забыть, что текст «Теорийки» принадлежит нашему времени, а отнюдь не предшествует каноническому тексту «Преступления и наказания». В тексте присутствуют языковые единицы, не характерные для XIX в. и идиостиля Ф. М. Достоевского, речь и нюансы поведения якобы тех же персонажей, что действуют в классическом тексте, приближены к нашему времени, эпизоды «Преступления и наказания» переработаны таким образом, что находят в новом тексте своего рода «зеркальное» отражение. Кроме того, многочисленные интертексты отсылают не только к «Преступлению и наказанию» и другим произведениям Достоевского, не только к классическим произведениям, появившимся раньше «Преступления и наказания», но и к произведениям, созданным в последующие эпохи, вплоть до романов самого Бориса Акунина: так, главный герой акунинской версии, Порфирий Петрович, оказывается родственником Эраста Фандорина и его внука Николая – героя основной части «Ф. М.». Таким образом, убедительная стилизация манеры Ф. М. Достоевского оказывается одновременно и типично акунинским текстом с характерными для писателя нарочитой интертекстуальностью и ненавязчивой иронией.

Ключевые слова: Б. Акунин, повесть «Теорийка», роман «Ф. М.», Ф. М. Достоевский, роман «Преступление и наказание», стилизация, миметическая интертекстуальность, индивидуальная манера писателя.

V. Kuzmicheva, I. A. Sukhanova

**Methods of Stylization in the Story "Teoriyka" –
an "Inserted" Text from Boris Akunin's Novel "F. M."**

In the article language means of stylization in B. Akunin's story "Teoriyka" – an "inserted" text from "F. M." novel are considered. According to "F. M." plot the story is an initial edition of F. M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment" therefore the modern writer had a task convincingly and authentically to stylize the text under the manner of the classic of the XIX century. Stylization is combined with use of direct quotes from "Crime and Punishment" and variation of the subject courses of the primary source. Akunin uses a chronotope of the novel and witty beats in the text time of its creation. "Teoriyka", thus, represents a striking example of a mimic intertextuality, and B. Akunin is a skillful master of stylization who is fluent in the literary language of the XIX century. However the author uses also means which don't allow an attentive reader to forget that the text "Teoriyka" belongs to our time, and it doesn't precede the initial text of "Crime and Punishment" at all. In the text there are language units, which are not typical for the XIX century and F. M. Dostoyevsky's idiosyncrasy, the speech and nuances of behaviour as if they were the same characters that were in the classical text, are made close to our time, episodes of "Crime and Punishment" are overworked in such a way that they find in the new text some kind of "mirror" reflections. Besides, numerous intertexts send not only to "Crime and Punishment" and other works by Dostoyevsky, not only to the classical works which appeared before "Crime and Punishment" but also to the works created during the subsequent eras up to Boris Akunin's novels: so, the main character of Akunin's version, Porfiry Petrovich, is a relative of Eraste Fandorin and his grandson Nicholas – the hero of the main part of "F. M.". Thus, convincing stylization of F. M. Dostoyevsky's manner is at the same time and typically Akunin's text with typical for the writer deliberate intertextuality and unobtrusive irony.

Keywords: B. Akunin, story "Teoriyka", "F. M." novel, F. M. Dostoyevsky, novel "Crime and Punishment", stylization, mimic intertextuality, the writer's individual manner.

Использование прецедентных текстов, как известно, характерный прием в творчестве Б. Акунина. Литературоведы и критики отмечают, что «[у]довольствие от текстов Бориса Акунина связано с эффектом знакомости. Автор создает свои произведения из прецедентных текстов, хорошо известных читателю (например, русская классика)...» [7, с. 268]. Однако не следует представлять тексты писателя результатом элементарной компиляции – связь акунинского текста с первоисточником обнаруживает подчас сложнейшую структуру и никогда не оказывается однозначной.

Роман Б. Акунина «Ф. М.» состоит из двух текстов – основной части и разрозненных фрагментов «Теорийки» – якобы первого варианта романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». В основной части Николай Фандорин разыскивает потерянный вариант «Преступления и наказания»; «Теорийка» представляет собой также детективную историю, в которой Порфирий Петрович расследует череду загадочных убийств.

Общая структура романа построена так, что «Теорийка» оказывается «чужим», включенным текстом, но

содержательно оба текста перекрещиваются и дополняют друг друга, создавая два временных и пространственных измерения: в основном тексте действие происходит в Москве в начале XXI в.; в «Теорийке» – в Петербурге второй половины XIX в.

Таким образом, создается ситуация «текста в тексте» – явление, хорошо известное в русской и мировой литературе («Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Игра в бисер» Г. Гессе и др.). Основное отличие романа «Ф. М.» от других произведений такого рода в том, что «вставной» текст приписывается не вымышленному персонажу, а великому русскому писателю, манера которого должна быть достаточно узнаваемой.

Текст «Теорийки» – яркий пример **миметической интертекстуальности**, то есть тот случай, когда «интертекстуальную окраску могут принимать виды стилизации и пародии, связанные с имитацией авторской речевой манеры» [6, с. 20]. Однако миметическая интертекстуальность сочетается в «Теорийке» с **парциальной**, то есть предполагающей использование в новом тексте фрагментов претекста [6]. В «Теорийке» присутствуют фрагменты текста «Преступления и наказания», которые вплетаются в оригинальный текст весьма изощренно, оправдывая внутреннюю форму самого термина (**интертекст**) (лат. *intertextum* – ‘вплетенное внутрь’). Так, в тексте «Теорийки» в первой же главе мы находим описание внешности Порфирия Петровича, взятое из «Преступления и наказания», далее обнаруживаем, например, описание интерьеров или внешности других персонажей и еще целый ряд фрагментов из первоисточника. В оригинальном же тексте «Теорийки» присутствует значительное количество стилистически окрашенных языковых единиц, как свойственных описываемой эпохе, так и встречающихся собственно в «Преступлении и наказании».

Заметим, что связи романа «Ф. М.» с романом «Преступление и наказание» не ограничиваются только тем, что во вставном тексте действуют якобы те же персонажи, что и у Достоевского, носящие те же имена, что варьируются элементы сюжета и присутствует языковая стилизация. **Миметическая интертекстуальность** распространяется на весь текст романа. В «основном» детективе можно найти параллели как к образам «Преступления и наказания», так и к образам «Теорийки» (см., например, [5]). Персонажи основного текста подчас пародируют персонажей «Преступления и наказания» с ярко выраженной тенденцией к снижению (см. параллели Раскольников – Рулет, Соня – Саша, Лузин – Лузгаев и др.), то есть имеет место, по терминологии В. П. Москвина, **интертекстуальная переоценка** [6 с. 20]. Основной текст «Ф. М.», как и вставной, представляет собой **палимпсест** «Преступления и наказания», точнее, такую разновидность палимпсеста, как **аналог** – «вторичный текст, повторяющий события, характеры персонажей и основные особенности сюжета претекста применительно к иной эпохе и ситуации, иной тематической доминанте» [6, с. 27].

В настоящей работе мы проследим, во-первых, приемы, позволяющие Б. Акунину создать впечатление действительно первого варианта «Преступления и наказания», во-вторых, приемы, не дающие внимательному читателю забыть, что текст написан в наше время и в реальности отнюдь не предшествует тексту Достоевского, а варьирует именно этот хрестоматийный текст.

Читатель, знакомый с творчеством Ф. М. Достоевского, легко заметит, что, кроме достаточно объемных цитат, Б. Акунин активно использует в «Теорийке» отдельные слова, устаревшие с современной точки зрения, характерные для «Преступления и наказания» и позволяющие воспринимать «Теорийку» как текст XIX в. Это историзмы: **надворный советник, письмоводитель, кварталный** – и архаизмы: **нервический, сей, вдовица** и др. (Данные слова с пометой «устаревшее» находим в «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [4]). Использует Б. Акунин и устаревшие лексико-фонетические варианты: **номер, шкан, галстух**.

Современный писатель не оставляет без внимания и лексико-словообразовательные особенности языка Достоевского, в первую очередь, наличие большого количества слов с оценочными суффиксами, таких, как **безобразнейшим, пошлейшая, старушонка** [2]. В «Теорийке» также наблюдается наличие подобных слов: **утомительнейшая, народец, совпаденщице, уютца, людишек, пиявица** [1]. Само слово **теорийка**, вынесенное в название повести, происходит из главы V части Шестой «Преступления и наказания»: «Тут была тоже одна собственная **теорийка** [здесь и далее выделено нами. – И. К., И. С.], – так себе теория <...> Ничего, так себе **теорийка**...» [2].

В тексте «Теорийки» присутствуют окказионализмы, что характерно для стиля Достоевского. В «Преступлении и наказании» встречаем, например, такие окказионализмы: **соскандалит, покиванием, болтовня-себятешение** [2]. В «Теорийке» читаем: **заневнятно-безличное** [1].

Для стиля Достоевского свойственно употребление предлога «об» вместо «о» перед словами, начинающимися с согласной буквы: «**Кончим это, начнем об китах переводить**», «**Да об чем вы хлопочете?**» [2]. В «Теорийке» читаем: «**Об жене моей Марфе Петровне я вам уже сказывал**», «**Плакать об нем не станут-с**» [1].

Достоевский часто добавляет к словам разговорную частицу «то»: «**Медаль... ну медаль-то продали... уж давно...**», «**Платьев-то нет у ней никаких...**» [2]. Б. Акунин делает то же самое: «**Не обмануло предчувствие-то**», «**Процентщицу-то одним ударом, наповал**», «**Им-то вы уж беспрерывно все рассказали...**» [1].

В речи персонажей Достоевского встречается характерный для языка XIX в. словоерс, в частности, он свойствен речи Порфирия Петровича: «– **Так-с, так-с**, – не сиделось Порфирию, – мне почти стало ясно теперь, как вы на преступление изволите

смотреть-с, но... уж извините меня за мою назойливость (беспокою уж очень вас, самому совестно!) – видите ли-с: успокоили вы меня давеча очень-с насчет ошибочных-то случаев смешения обоих разрядов...» [2]. Б. Акунин в «Теорийке» также использует словоерс: «– Вы Заметов из третьего, верно-с? Вы уж меня извольте без титулования-с, просто “Порфирий Петрович”. Помилуйте-с, мы же не в армии» [1].

С точки зрения современного русского языка в тексте «Преступления и наказания» можно найти примеры нарушения предложного управления. Б. Акунин заимствует эту особенность текста романа Ф. М. Достоевского. Так, например, в текстах обоих авторов встречаются выражения *в четвертом этаже, в третьем этаже, в юридическом факультете*.

Для стиля Ф. М. Достоевского характерно частое употребление противительного союза **но**, благодаря чему достигается неожиданный эффект противопоставления или неопределенности. В «Преступлении и наказании» читаем: *«Пить он мог до бесконечности, но мог и совсем не пить; иногда проказил даже невозволнительно, но мог и совсем не проказить», «Он смотрел на старуху и не спешил уходить, точно ему еще хотелось что-то сказать или сделать, но как будто он и сам не знал, что именно...» [2]. В «Теорийке» также часто встречается союз **но**: «Так вот, сестру тоже по голове стукнули, но не насмерть, оглушили только», «Не нашел, но на том не успокоился» [1].*

Б. Акунин заимствует и такую особенность стиля Ф. М. Достоевского, как использование союзов в начале предложений. В «Преступлении и наказании» находим следующие примеры: *«Но останавливаться на лестнице...», «Но в комнате не было ничего особенного», «Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье», «Да и склонность к витиеватой речи приобрел...», «А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным?», «А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая...» [2]. В «Теорийке» видим тот же прием: *«Но Порфирий Петрович уже понял – приключилось нечто из ряда вон выходящее, и принял меры», «Но на том не кончилось», «Да и новые сослуживцы уж успели заметить, что он человек толковый, хотя и не без странностей», «Да и не больно покамарадствуешь с Раскольниковым, нелюдимый он», «А щечка у невесты моей все горячее, а сердчишко колотится...», «А вот интересно, – он заглянул в дуло...» [1].**

В синтаксическом отношении интересна и такая особенность стиля Достоевского, как использование вставных конструкций. Приведем примеры из «Преступления и наказания»: *«Ибо и хозяйка, Амалия Федоровна, того допустить не хотела (а сама же прежде Дарье Францевне способствовала), да и господин Лебезятников... гм...», «Ну-с, государь ты мой (Мармеладов вдруг как будто вздрогнул, поднял голову и в упор посмотрел на своего слушателя), ну-с, а на другой же день, после всех сих мечтаний (то есть это будет ровно пять суток назад тому), к вечеру, я хит-*

*рым обманом, как тать в ночи, похитил у Катерины Ивановны от сундука ее ключ...» [2]. В «Теорийке» также находим эту особенность: *«Покойника ведь после не расспросишь (а Порфирий Петрович почти не сомневался, что преступник револьвера не испугается и кинется прямо под пулю)», «От встречи к встрече он успевал подзабыть, до чего она красива, то есть не то чтобы подзабыть (он очень хорошо это помнил), но все-таки настоящая Авдотья Романовна каждый раз оказывалась еще лучше» [1].**

Активное использование Акуниным синтаксических особенностей стиля Достоевского позволяет не только достичь стилизации творческой манеры классика в построении предложений, связей между ними, но и добиться визуального сходства текста Ф. М. Достоевского и «Теорийки».

Таким образом, Б. Акунин добивается достоверности стилизации, используя не только единицы литературного языка XIX в., но и особенности языковой манеры Ф. М. Достоевского. Конкретных примеров можно привести еще много, но, на наш взгляд, уже приведенные немногочисленные примеры достаточно показательны.

Следует отметить, что в целях стилизации «Теорийки» под «Преступление и наказание» Б. Акунин заимствует хронотоп романа Ф. М. Достоевского. Действие в романе «Преступление и наказание» происходит летом в Петербурге: *«В начале июля, в чрезвычайно жаркое время...», «Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках...» [2]. В «Теорийке» читаем: *«В квартире, невзирая на поздний час, было светло – июльское солнце еще не спустилось за крыши», «Порфирий Петрович, шесть дней назад определенный приставом следственных дел в Казанскую часть Санкт-Петербурга...» [1].**

В семантическом отношении оба произведения объединяет и мотив жары. О сильной жаре неоднократно сказано в «Преступлении и наказании»: *«В начале июля, в чрезвычайно жаркое время...», «На улице жара стояла страшная...» [2]. В «Теорийке» читаем: *«Приятности забот по обустройству квартиры мешало лишь одно обстоятельство – утомительнейшая, нечасто обрушивающаяся на столицу жара, чуть не в сорок градусов», «Уже не обращая внимания на жару, он несолидной рысцой припустил вдоль улицы, Заметов за ним» [1].**

Б. Акунин интересно обыгрывает и то, в каком году происходило действие романа. Роман «Преступление и наказание» создавался во второй половине 1865 г. **В сентябре 1865 г.** Ф. М. Достоевский писал издателю М. Н. Каткову: *«Это – психологический отчет одного преступления. Действие современное, в нынешнем году...» [3]. В «Теорийке» год, когда происходит действие, обозначен так: *«Однако пришло время познакомиться с главным героем нашего повествования ближе, ибо история, приключившаяся с ним в жаркие июльские дни 186... года...» [1].**

Тем не менее, стилизуя свой текст под «Преступление и наказание», Б. Акунин использует и приемы, не позволяющие внимательному читателю забыть, что перед ним не подделка, а ироническая «игра в Достоевского». Акунин перерабатывает эпизоды классического произведения таким образом, что они находят в новом тексте своего рода «зеркальное» отражение. Хорошо известные эпизоды и детали из «Преступления и наказания» «вспоминаются» в новом тексте посредством аллюзии на первоисточник. Так, классический **топор** Раскольникова всплывает в эпизоде «Теорийки», где Порфирий Петрович обследует рану на голове убитой старухи, стараясь определить орудие убийства. «*Прямоугольный пролом... Вершка полтора на три четверти... <...> Пожалуй, обух небольшого топорика... Удивительной силы удар.*» И далее: «*...надворный советник резюмировал: – Удобнейшая вещь для убийства – топорик. Под мышкой какую-нибудь петельку или ляпочку соорудил, подвесил, и под одеждою не видно-с. А выхватить можно в секунду*» [1]. Сравним: «*Во-первых, надо было петлю сделать и к пальто пришить <...> петля назначалась для топора. <...> Теперь же, с петлей, стоит только вложить в нее лезвие топора, и он будет висеть спокойно, под мышкой изнутри, всю дорогу*» [2]. Комический эффект предположения, высказанного следственным приставом, осознается тогда, когда выясняется, что в акунинской версии преступником является не Раскольников, а Свидригайлов, действовавший не топором, а тяжелой тростью с набалдашником. Отсюда и *удивительной силы удар*, на который, конечно, не способен истощенный студент.

Отдельные детали первоисточника в тексте Акунина подвергаются приему доведения до абсурда. Так, сообщение о **поминутной** беременности Лизаветы развивается в целый диалог между Порфирием и Заметовым: «*Родит – и в Воспитательный дом несет <...> – И что же-с, много у ней народилось таких деточек? <...> – Не возьмусь сказать. Да Лизавета и сама, может, со счету сбилась*» [1]. Свидригайлов в акунинской версии не только подслушивает то, что происходит в комнате Сони, но и подглядывает в замочную скважину и даже «просвещает» свою невесту, заставляя подглядывать за нанятой парочкой. Брат и сестра Раскольниковы не только спорят и не соглашаются друг с другом, но и постоянно ссорятся, дело доходит до *оплеухи*, которую дает Дуня брату. Подобных примеров можно указать много.

В тексте Акунина встречаются слова и выражения, не свойственные описываемой эпохе: **побежит сдаваться, хулиганского поступка, (каре́та) сбילה, под-ростковые общества**.

С точки зрения лексики и фразеологии оказывается не соответствующей социальному статусу нарочито сниженная и экспрессивная речь некоторых персонажей, бранная лексика встречается в их речи гораздо чаще, чем в речи соответствующих персонажей первоисточника. Так, акунинский Разумихин в глаза называет своего родственника Порфирия **сатраном** и **сухарем**, употребляет выражения типа **подгрести пиаст-**

ров, старая жаба (об убитой процентщице); Катерина Ивановна ругает Соню **дурой**; Лужина в сцене обвинения Сони присутствующие несколько раз обзывают **подлецом**.

Свойственное более нашим современникам, нежели персонажам XIX в., поведение проявляется и на уровне эпизодов и деталей. Так, Разумихин читает без разрешения попавшее ему под руку письмо матери Раскольникова; Дуня пересказывает брату слухи о Свидригайлове, в том числе эпизод с глухонемой девочкой – тема, которую вряд ли могла затрагивать барышня, да еще в разговоре с мужчиной, хотя бы и с братом; причем Раскольников сообщает об этом разговоре самому Свидригайлову.

Скандальную хронику из современных СМИ напоминает описание поведения губернских чиновников, боящихся разоблачения: «*Стали готовиться к худшему. Вице-губернатор на свои средства новую церковь заложил – душу спасать. Председатель казенной палаты, у которого как раз оказался выправлен паспорт для поездки на воды, вмиг собрал семейство и, не прощаясь, отбыл в чужие края. Прочие чиновники кто запил, кто слег в нервной горячке, кто усердно переписывал имущество на родственников*» [1].

«Несерьезности» стилизации способствуют и многочисленные интертексты, отсылающие не только к «Преступлению и наказанию» и другим произведениям Достоевского, но также к классическим произведениям, появившимся раньше «Преступления и наказания» (например, прямая отсылка к «Ревизору»), но и к произведениям, созданным после «Преступления и наказания», вплоть до романов самого Бориса Акунина. Так, замечание в несобственно-прямой речи Порфирия Петровича о том, что *русский убийца – это вам не англичанин* какой-нибудь, который убивает с холодной головы и после так концы прячет, что не сыщешь, – недвусмысленно отсылает к самым известным в мире детективам – произведениям Артура Конан-Дойля, которых в 1860-х гг. еще и не было (первая повесть о Шерлоке Холмсе появилась в 1887 г.). Акунин дает Порфирию Петровичу фамилию *Федорин*, выводя его род от *служилого немца хорошей крови, фамилия которого даже начиналась на «фон»* [1] – очевидно, от Корнелиуса фон Дорна, героя романа Акунина «Алтынтолобас» – и делает его, таким образом, родственником Николаса Фандорина – героя основной части «Ф. М.» и всей серии «Приключения магистра» – и, соответственно, главного героя «Приключений Эраста Фандорина», приходящегося Николасу дедом, а также ряда других своих персонажей.

Объем статьи не позволяет подробнее остановиться на каждом из приемов стилизации и «антистилизации» и привести большее количество возможных примеров – почти каждый из приемов мог бы стать предметом отдельной работы. Текст «Теорийки» стоит пристального изучения, особенно с точки зрения языковых единиц, так как такое исследование может дать материал не только для понимания механизма стилизации как таковой или о приемах создания комического, но и для представления об идиостиле стилизуемого автора, и об

идиостиле самого Бориса Акунина, так как «Теорияка» оказывается исключительно характерным акунинским текстом.

Библиографический список

1. Акунин, Б. Ф. М. Роман : в 2 т. [Текст] / Б. Акунин. – ОЛМА Медиа Групп, 2006.
2. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание: Бедные люди: Романы; Дядюшкин сон: Повесть [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М.: Худож. лит., 1983.
3. Достоевский, Ф. М. М. Н. Каткову 10(22) – 15(27) сентября 1865. Висбаден. Черновое [Электронный ресурс] // Воспроизводится по изданию: Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений : в 15 томах. Т. 15. – СПб.: Наука, 1996. – Режим доступа: URL: <http://www.rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/442.htm>
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: URL: <http://www.efremova.info>
5. Кузмичева, И. В. Структура и интерпретация интертекстуальных связей образа Рулета в романе Б. Акунина «Ф. М.» [Текст] / И. В. Кузмичева // Человек в информационном пространстве : сборник научных трудов. – Ярославль, Изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 213–217.
6. Москвин, В. П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. Изд. 2-е [Текст] / В. П. Москвин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
7. Сорокин, С. П. Бинарность Фандорина, или пересечение восточной и западной традиций в контексте «фандоринского цикла» Б. Акунина [Текст] / С. П. Сорокин // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 1. – Том 1 (Гуманитарные науки). – С. 264–268.

Bibliograficheski spisok

1. Akunin, B. F. M. Roman : v 2 t. [Tekst] / B. Akunin. – OLMA Media Grupp, 2006.
2. Dostoevskij, F. M. Prestuplenie i nakazanie: Bednye ljudi: Romany; Djadjushkin son: Povest' [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – M.: Hudozh. lit., 1983.
3. Dostoevskij, F. M. M. N. Katkovu 10(22) – 15(27) sentjabrja 1865. Visbaden. Chernovoe [Jelektronnyj resurs] // Vosproizvoditsja po izdaniju: F. M. Dostoevskij. Sbranie sochinenij : v 15 tomah. T. 15. – SPb.: Nauka, 1996. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/442.htm>
4. Efremova, T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [Jelektronnyj resurs]. – M.: Russkij jazyk, 2000. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.efremova.info>
5. Kuzmicheva, I. V. Struktura i interpretacija intertekstual'nyh svjazej obraza Ruleta v romane B. Akunina «F. M.» [Tekst] / I. V. Kuzmicheva // Chelovek v informacionnom prostranstve : sbornik nauchnyh trudov. – Jaroslavl', Izd-vo JaGPU, 2013. – S. 213–217.
6. Moskvin, V. P. Intertekstual'nost': Ponjatijnyj apparat. Figury, zhanry, stili. Izd. 2-e [Tekst] / V. P. Moskvin. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013.
7. Sorokin, S. P. Binarnost' Fandorina, ili peresechenie vostochnoj i zapadnoj tradicij v kontekste «fandorinskogo cikla» B. Akunina [Tekst] / S. P. Sorokin // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2011. – № 1. – Tom 1 (Gumanitarnye nauki). – S. 264–268.